

Александра Веретина

ВОЗДУХ

Если нас называют и видят калеками —
Обязательно — боль? Обязательно — груз?
Я как пыльная ведьма с зашитыми веками.
Я пытаюсь распробовать воздух на вкус.

Не сочувствуй мне!
Сердце откликнуться ленится,
И душа — раз глаза есть ее зеркала.
Если я их открою, хоть что-то изменится?
Я не знаю, но я бы сейчас не смогла.

Если я их открою, то что-то убавится! —
От инстинктов качнет в направлении ума...
Забери свою мелочь. Я не христарадница.
Меня кто-то слепил, ослепила — сама.

Воздух нервный, сухой,
перепачкан дыханием...
Страх. Восторг. Вожделение.
Ненависть. Страх.
Воздух плотный и сытный.
Чреват привыканием.
Он совсем не опасный на первых порах.

Кто придумал его, это странное варево?
Не подумай плохого — я все-таки им
Не питаюсь. Пытаюсь я им разговаривать.
Что ты чувствуешь в воздухе —
влажность и дым?

Не гулял, не пил,
форму держал спартанскую.
А женился давно,
говорят, еще в Гражданскую.

И текла бы жизнь,
вилась по своей канве...
Но увидел ее —
как обухом по голове.

Поначалу маялся,
Ночами
в подушку каялся.

Потом плюнул:
семь бед — один ответ.
Подошел без страха
и тихо шагнул на свет.

Полегчало. Бывало, ночью, после допроса
Приходил и знал: никто не посмотрит косо.

Что он делал, с кем и за что? Словами не била.
Обнимала его. Она ведь его любила.

А во вторник кончилась сага,
Принесли от начальства бумагу.

Указанье обычного рода —
Новый список врагов народа.

Он вовек не вздыхал в тоске,
Он не звал к себе забытье.
Да только пятым
в седьмой строке
Стояло имя ее.

Не прольются слезы из глаз,
А приказ всегда есть приказ.

В пустоте площадных огней
Сел в машину, поехал к ней.

Та — навстречу. Кто бы сказал,
Что сейчас ворвется гроза!
Обмерла: пронзили навывлет
Злые, льдисто-волчьи глаза.

— Отвечай сейчас же, как было:
Что у Фединых ты говорила?

Ты, к Минаевым приходя,
Строила планы убить вождя?

Надломились худые плечи.
Прошептала:
— Дурные речи.

Про убийство — злобный навет.
В остальном не раскаюсь, нет.

— Собирайтесь. Восемь минут.
Вас давно на Лубянке ждут.

Заметалась она по комнате.
Восемь минут — да и те расколоты.

То оставить, а то схватить...
Обвинить? Зачеркнуть? Простить?

Едут, едут...
Ветер за ворот.
Вроде в центр —
а свернули за город.

Гуще глушь. Вдоль дороги — лес.
За рекой не один исчез.

Он тихонько достал пакет:
— Шансов мало, почти что нет.

Но попробуй выжить, пролезть.
Документы и деньги — здесь.

— Ты-то как же?
Он улыбается:
— Это, друг, лишь меня касается.

— Не оставлю! Бежим со мной!
— Нет уж. Лучше — тебе одной.

Воротясь домой, как во сне,
Пару строчек черкнул жене.

Чуть дыша, отворил окно.
За стеклом свежо и темно.

Гроздья неба, луны излом...
Он не видел: жил за стеклом.

Василий Нацентов

* * *

А спички — вот, и это — чудо...

Юрий Казарин

сидит кукушка на суку
ку-ку ку-ку
и произносит не строку
но смерть и воздух
и во саду ли во саду
скрипит под вечное дуду
в две тысячи каком году
калитка ветка кот кукушка
я буду вечен и велик
седой и праведный старик
листва и плечи долгий крик
я буду буду
не чудом но отсылкой к чуду
вернее сноской в две строки
весне и смерти вопреки

* * *

Где молоко рекой не расплескается,
дожди грибные слепо не пройдут.
Я девочке отчаянной понравиться
хотел и выветрил уют.
О лес и степь, о нежность и притворство,
усы, усы — портретам и вралям.
Жить оказалось холодно и поздно,
как в одиночку чтение по ролям,
как на полях тетрадных голос птичий
не услышать, не перейдя черту,
и наломать дрова сожженных спичек,
не прикурив. Так звуки в немоту
уходят прочь. Карандашом чирикать,
раскачивать надмирную печаль.
И замолчать и к тишине привыкнуть,
но продолжать качаться и качать.

Ирина Глушкова

* * *

Все будет жить: и я, и ты.
И так же будет небо свято.
Багрянец пламенный заката
Окрасит бирюзу воды.

Все будет жить: и голоса,
И шепот кленов у дороги,
И память светлая о Боге,
И вера в мир и чудеса.
Не может по-иному быть.
Как наше не замрет дыханье,
В прозрачном этом мирозданье
Продолжит все любить и жить.

* * *

Бабушке

А я готова все сейчас отдать
За тусклый свет родимого окошка,
Где в чугушке горячая картошка,
За синей прялкой старенькая мать.
И легкое дыхание лампад
В углу святом
У радостных иконок.
И голос камыша,
Совсем незвонок,
Баюкает над речкой
Старый сад.
И босиком бессловно,
Наугад,
Глотая ветра встречную
Прохладу,
Сквозь золотые струны листопадов
По розовым лугам бежать назад.
Не веря ни разлуке,
Ни беде,
Уткнуться в мамин
Красочный передник
И с месяцем живым
Служить обедню
Задумчивой, растерянной
Звезде.